

встал вопрос об их физическом выживании, поскольку неумолимо ускоряются тенденции к их ассимиляции. С этой точки зрения интерес представляют данные исследования, проведенного ЮНЕСКО и Росстатом в 2012 г., согласно которым более 40 этносов России стоят перед угрозой исчезновения, а семь языков потеряны безвозвратно. По данным, которые приводятся в словаре-справочнике «Языки народов России. Красная книга», в группу исчезающих включены языки 20 этносов нахско-дагестанской группы: агульский, андийский, арчинский, ахвахский, бежтинский и др., а также два языка абхазо-адыгской группы – абазинский и шапсугский [Языки народов... 2002: 10]. Особый интерес представляют данные, согласно которым, несмотря на заметный рост в постсоветский период числа учеников, изучающих адыгейский язык, большинство учащихся из адыгейских семей в школе в Майкопе общаются между собой на русском языке. Причем в школе на родном языке говорят всего лишь 1% адыгейцев, а 32% на адыгейском языке «вообще не говорят» и 25% – «говорят с большим трудом» [Гусман б.г.].

Подобных примеров, касательно всех национальных меньшинств, можно привести множество. Такая тенденция особенно отчетливо проявляется среди городского населения. При таком положении вещей уже нынешнее подрастающее поколение в значительной степени теряет способность или даже желание использовать родной язык, культуру и иные атрибуты, определяющие национальную идентичность, а в будущем – транслировать их своим детям. Приходится констатировать, что именно такова ситуация с большинством национальных меньшинств национальных республик Северного Кавказа. И как это ни парадоксально выглядит, обратной стороной глобализации и информатизации являются фрагментация, возрождение локализма, этнизма, религиозных верований, рост интереса у определенной части населения к культурам, языкам, социокультурной идентичности национальных меньшинств. Очевидно, что, по крайней мере, в обозримой перспективе не может идти речь о каком бы то ни было растворении этнической